

Khudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the history of Khanate of Kazan]. Moscow: Insan, 1991. (In Russian).

Shatagin N. I. Russkoe gosudarstvo v pervoi polovine XVI veka (Ocherki iz politicheskoi istorii Rusi v I polovine XVI v.) [The Russian state in the first half of the 16th century (Essays on the political history of Russia in 1st half of the 16th century.)]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State University, 1940 (1941). (In Russian).

V. N. Zubov

Nizhnevartovsk, Russia

«SEIZURE OF KAZAN» IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE 20TH CENTURY AND WORKS BY B.G. VERKHOVEN

Abstract. This paper attempts to reconsider the views on works by B. G. Verkhoven within the integration of Khanate of Kazan into Russia after the Seizure of Kazan in 1552, which is a topical issue in national historiography for the middle 20th century. As a part of wider historiographic discourse, the Seizure of Kazan was viewed not only within the frames of the Moscow State development during the time of Ivan IV, but also within the policy and character of the first Russian Tsar. The works and researches devoted to the character of Ivan IV the Terrible were later called by a collective name of «Ivaninana». The author of the present work has specified the mechanisms of the «propaganda machine» during the time of Joseph Stalin.

We believe that a detailed analysis of B.G. Verkhoven's concept of the Siege of Kazan and the contemporary reaction towards the event will allow us to address the issue of the perception of the Ivan the Terrible and his reign by the historiographers of Stalin period more thoroughly. The analysis of historiographic works by S. V. Bakhrushin, I. U. Budovnit, R. Yu. Vipper, Yu. V. Gotye, S. M. Dubrovsky, V. D. Korolyuk, G. K. Krasinsky, M. D. Kurmacheva, D. S. Likhachev, N. Novikov, B. Telpukhovskiy, M. G. Khudyakov made us doubt the conclusion made by A. L. Horoshkevich about the key role B.G. Verkhoven had played in developing the official interpretation of the way Khanate of Kazan was annexed and integrated into the then Russian state. We also doubt that the steady Russian historic expression translated as «expansion of the Russian state», allegedly introduced by B. G. Verkhoven, intrinsically belongs to this historiographer.

The paper pays attention both to the substance of B. G. Verkhoven's concept concerning the annexation of Khanate of Kazan and to the circumstances in which the historiographer's works were published.

We believe that this work will be of much interest to the historians studying the development of the Soviet historiography in the middle 20th century, as well as help to reconstruct the history of the Muscovite state of the middle 16th century.

Key words: B. G. Verkhoven; seizure of Kazan; colonization; expansion of the Russian state; «Ivaninana»; Ivan IV; Yu. V. Gotye; A. L. Horoshkevich; R. Yu. Vipper; A. A. Zimin.

About the author: Vitaly Nikolaevich Zubov, Senior Lecturer at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

Т. В. Рабуш

Санкт-Петербург, Россия

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ «ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ВОЙНЕ» (1980-е гг.)

Аннотация. Данное исследование освещает место и роль проблемы афганских беженцев в советско-американской пропагандистской войне, продолжавшейся на протяжении 1980-х гг. (с момента Апрельской революции в 1978 г. и вплоть до вывода советских войск из Афганистана в 1989 г.). Автор анализирует характер американской гуманитарной помощи афганским беженцам, подчеркивая то обстоятельство, что для США помощь беженцам Афганистана была не только гуманитарной акцией доброй воли, но и вместе с тем тема положения афганских беженцев активно муссировалась зарубежной пропагандой (как в официальных выступлениях политиков, так и на страницах СМИ) с целью осуждения факта пребывания советских войск в Афганистане. Автор указывает на драматический рост числа беженцев (который продолжался на протяжении 1980-х гг.), что несомненно было на руку американской (и иной зарубежной) пропаганде антисоветской направленности.

Автор рассматривает по отдельности как вопрос о месте проблемы афганских беженцев в зарубежной (преимущественно американской) пропаганде антисоветского и антиафганского характера, так и вопрос о месте проблемы беженцев в антиамериканской пропаганде как официального Кабула, так и СССР. Зарубежные авторы пытались всячески очернить политику СССР в Афганистане, указывая на то, что большое число афганских беженцев и постоянный рост этого числа связаны с советской политикой «выдавливания» гражданского населения из Афганистана посредством проведения активных и разрушительных боевых действий,

что было по сути дезинформацией, призванной уронить престиж СССР в глазах международного сообщества и выставить Советский Союз едва ли не военным преступником. Советские и афганские СМИ, официальные лица и исследователи в СССР и в Афганистане противопоставляли этому пропагандистскую линию, направленную преимущественно на показ крайне сложного положения афганских беженцев в Пакистане (именно в Пакистане находилось наибольшее количество беженцев), которые по сути стали игрушками в руках лидеров афганской вооруженной оппозиции.

Представляется возможным сделать вывод, что проблема афганских беженцев на протяжении 1980-х гг. была существенным фактором в советско-американской пропагандистской войне, развернувшейся вокруг событий в Афганистане сразу же после Апрельской революции 1978 г. По сути, проблема беженцев стала «разменной монетой» в глобальной геополитической игре двух сверхдержав.

Ключевые слова: беженцы; пропаганда; холодная война; афганская война; советско-американские отношения.

Сведения об авторе: Таисия Владимировна Рабуш, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общественных наук.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Контактная информация: 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 56; тел.: 89523526915, e-mail: taisarabush@mail.ru.

Вопрос о положении афганских беженцев привлёк к себе внимание международной общественности уже в конце 1970-х гг. Апрельская революция 1978 г. и последующий приход к власти Народно-Демократической партии Афганистана¹ повлекли за собой ряд не всегда продуманных реформ. Недовольство реформами вылилось в вооруженное сопротивление власти в разных провинциях страны, а вскоре – и в отток населения Афганистана в сопредельные государства.

С самых первых дней установления в Кабуле власти НДПА американские официальные лица и западные СМИ старались придать проблеме афганских беженцев сугубо политический характер. Усилиями стран Запада, прежде всего США, и некоторых мусульманских государств была развернута пропагандистская кампания по вопросу о положении афганских беженцев. США уже с конца 1970-х гг. начали предоставлять помощь афганским беженцам, в том числе и по линии ООН. Так, осенью 1979 г. при поддержке госдепартамента США была развернута программа поддержки афганских беженцев, которая включала в себя гуманитарную и медицинскую помощь (Saunders 1979: 30).

После ввода ограниченного контингента советских войск² в Афганистан вопрос об оказании помощи беженцам стал еще более острым, кроме того, начало полномасштабных боевых действий в Афганистане (с участием уже советских войск) спровоцировало еще больший отток населения из страны, который с каждым

годом только увеличивался. Так, в 1980 г. в Пакистане было более 1,2 млн афганских беженцев (Collins 1986: 143), а к 1981 г. в одном только Пешаваре проживали около 73 000 афганцев (Фальков). К 1985 г. за пределами Афганистана находилось 4,5 млн чел., что составляло около 25 % всего населения страны. В середине 1980-х гг. одна четверть всех беженцев в мире была афганцами. Наибольшее число беженцев находилось в Пакистане (3 млн чел.) и в Иране (1,5 млн чел.) (Хан 1997: 19). Но, тем не менее, стоит указать, что затруднительно было подсчитать точное количество афганского населения даже в мирное время – ввиду кочевого образа жизни определенных групп афганцев (те же пуштуны), традиционно сложных отношений в афганской вертикали власти по линии «периферия – центр» и прочих факторов. Поэтому определить точное количество беженцев затруднительно. Следовательно, когда идет речь об афганских беженцах, то представляется возможным исходить из предпосылки, что все цифры и данные об их количестве являются приблизительными.

Проблема беженцев приковывала к себе внимание мировой общественности, служила для администрации США дополнительным поводом для осуждения действий СССР в Афганистане и позволяла с трибун международных организаций выдвигать требования о безоговорочном выводе советских войск из Афганистана, приводя в качестве аргументов факты, свидетельствующие о печальном положении афганских беженцев.

Так, сразу же после ввода ОКСВ в Афганистан вышла в свет аналитическая статья госдепартамента США «Советское вторжение в Аф-

¹ Далее НДПА.

² Далее ОКСВ.

ганистан», в которой в том числе было указано, что количество беженцев достигло уже 700 тыс. человек (5 % от всего населения) и к лету 1980 г. может вырасти до 10 % (Soviet invasion in Afghanistan 1980: 63). 31 января 1980 г. было опубликовано официальное заявление госдепартамента США, в котором указывалось, что афганские беженцы получают 5,3 млн дол. и в Афганистан будет отправлен медицинский персонал для работы с беженцами. Весной 1980 г. администрация США выделила для афганских беженцев еще 20 млн дол (Vanse 1980: 35).

Законы об оказании помощи афганским беженцам также проводились в Конгрессе США 25 марта 1980 г., 27 марта 1980 г. и 16 апреля 1980 г. (Congressional records. 1980. V. 126. №№ 58, 61, 64). Так, 22 мая 1980 г. палата представителей Конгресса США, обсуждая вопрос финансовой помощи афганским беженцам, ссылаясь на «советскую угрозу в Афганистане» как аргумент для принятия решения об оказании помощи (Congressional records. 1980. V. 126. № 84. P. H 4175–4180). Подобные законопроекты принимались на протяжении всего периода пребывания ОКСВ в Афганистане.

19 июня 1980 г. президент США Дж. Картер сделал заявление, в котором призвал американцев объявить неделю с 21 по 27 июля 1980 г. «неделей Афганистана», во время которой всем гражданам США предписывалось «объединиться для оказания помощи афганским беженцам в их борьбе за выживание». По сути, со стороны Вашингтона это была не столько гуманитарная, сколько пропагандистская акция. Этот ход должен был привлечь внимание мировой и американской общественности к проблеме афганских беженцев и вместе с тем спровоцировать волну осуждения действий СССР в Афганистане.

Следует сказать, что точка зрения на то, а что, собственно, представляют собой афганские беженцы, достаточно серьезно разнилась у советских и у зарубежных исследователей. Так, ряд зарубежных авторов (прежде всего американских) трактовали причину массового исхода населения из Афганистана как форму протеста против власти в Кабуле, как «свидетельство нелегитимности кабульского режима» или же как результат советских бомбардировок и артиллерийских обстрелов мирных населенных пунктов, а также репрессий властей против афганских граждан (Arnold 1981: 78; Collins 1986: 146).

Американский исследователь Л. Дюпри, говоря о линии, проводимой СССР в Афганистане в отношении мирного населения, использовал оборот «миграционный геноцид» (Duree 1980: 471). Он подчеркивал, что в результате военных действий ОКСВ инфраструктура сельского хозяйства в значительной мере была разрушена, и афганцы с трудом могли прокормить себя и свои семьи, следовательно, немалая часть мирного населения была вынуждена покинуть страну. Английский журналист М. Урбан придерживался сходного с Л. Дюпри мнения и отмечал, что «знакомые со знаменитым утверждением Мао Цзэдуна, назвавшего партизан «рыбой, плавающей в воде народа», Советы решили просто осушить водоем» с тем, чтобы афганские мятежники не смогли пользоваться поддержкой местного населения (Urban 1988).

Американский исследователь С. Таннер так пишет о беженцах: «Советы воздерживались от действий против баз и лагерей моджахедов в Пакистане, хотя ни у кого не вызывало сомнений, что именно Пакистан является основным источником подпитки афганского сопротивления. В определенном смысле советскую программу, направленную на вытеснение афганского населения в соседний Пакистан, можно считать своеобразной формой возмездия. Не было никакого смысла бомбить лагеря беженцев, даже несмотря на то, что именно в них вербовали себе пополнение моджахеды, поскольку в интересах Советов было как раз то, чтобы беженцы оставались именно в Пакистане и, таким образом, были заботой Исламабада, а не Кабула» (Таннер 2004: 336).

Британский журналист пишет об этом же: «Советы достигли своей стратегической цели: проходя через ненаселенные районы, повстанцы редко могли рассчитывать на приют и пищу у местных крестьян... оккупационная армия пыталась высушить воду, чтобы убить рыбу... Советские войска... пытаются очистить... деревни от населения. Если они будут успешны во внедрении этой своей стратегии, то повстанцы останутся без поддержки и пищи» (Chaliand 1982: 67).

Швейцарские исследователи афганского конфликта П. Аллан и Д. Клей отмечали: «От военных методов все сильнее страдало гражданское население. Следствием их применения были тактика выжженной земли, бомбардировки деревень, разрушение ирригационной системы, применение боевых отравляющих веществ, уничтожение запасов продуктов пита-

ния в результате артиллерийских обстрелов, диверсионные меры и многое другое. В результате положение участников сопротивления становилось все более трудным... В этом, несомненно, и заключалась цель советских усилий» (Алан, Клей 1999: 279).

Сами афганские моджахеды также не обходили вниманием острую тему беженцев. Разумеется, они тоже указывают на якобы имевшееся у советских войск стремление «выдавить» как можно больше беженцев в Пакистан, опустошить страну и т.п. Так, афганский историк моджахедов Абд ал-Хафиз Мансур³ писал об отношении советских войск к беженцам следующее: «Безжалостные русские и афганские правительственные солдаты там, где они находили этих бедных беженцев, убивали их. Многих они брали в плен и потом сажали в тюрьмы» (Григорьев 1997: 81). А по мнению начальника афганского отдела пакистанской межведомственной разведки ISI бригадного генерала М. Юсуфа, Советский Союз специально избрал тактику вытеснения в Пакистан миллионов афганских беженцев, с тем чтобы дестабилизировать внутреннее положение в стране: «Сильными бомбардировками Советы мстили партизанам за вылазки и удары из засад. Беспорядочные бомбардировки приводили к большим потерям в деревнях и влекли за собой сотни жертв среди гражданского населения. Они едва затрагивали моджахедов, но тем не менее они были первопричиной массового потока беженцев в Пакистан. Я полагаю, что сей факт расценивался Советами как успех, поскольку тех *(беженцев – Т.Р.)* в Пакистане принимали с все более растущим недовольством» (Юсуф).

Как более детальный пример антисоветской пропаганды можно привести описание одной из «советских атак» на афганский кишлак, приведенное тем же бригадным генералом М. Юсуфом. Позволим привести значительную цитату, т.к. это хороший наглядный пример такой пропаганды: «Атака кишлака Руган в 1982 году была типичной для советских методов. В Ругане проживало порядка 800 человек. Это была

благоденствующая сельскохозяйственная деревня, расположенная в узкой долине реки...

В один из дней жители кишлака как обычно занимались своими хозяйственными делами, когда в 9 утра шесть вертолетов были замечены высоко над долиной. Ведущая пара снизилась прямо над долиной. С высоты около 700 метров были выпущены первые ракеты, затем еще один залп, затем еще один, взрывы большой силы разрывали ветхие домишки и убивали или калечили находящихся в них...

Следующая фаза была обозначена появлением наземных сил со стороны Али Хейля. Две сотни пехотинцев, подкрепленные несколькими танками, БТРами и минометами остановились в нескольких сотнях метрах от кишлака... Это была так называемая поисково-разрушительная операция, в которой разрушительная часть занимала более важную часть, чем поисковая.

...Это был конец кишлака Руган. Все 200, или около того, выживших ушли в Пакистан, везя своих раненых на лошадях или мулах, либо просто неся их на одеялах. Они потратили десять часов на то, чтобы добраться до Парачинарского госпиталя. В тот раз выжившие женщины счастливо отделались, провожаемые лишь ударами и руганью. Не было ни изнасилований, ни холодящей кровь резни, так как в операции участвовали не только советские войска. В присутствии афганских войск русские старались воздерживаться от более отвратительной жестокости... Умножьте Руган в сотни раз, и вы сможете представить себе масштабы того, что подразумевалось под советской тактикой выжженной земли. Никто из них не делал даже попытки завоевать сердца и умы людей, вместо этого они лишь разрушали, убивали мирных жителей, либо изгоняли их со своих мест. Это был их метод искоренения оппозиции, лишения моджахедов поддержки, и давления на Пакистан посредством наплыва беженцев. Должен признаться, что они частично добивались успеха такими действиями» (Юсуф).

Администрация США использовала тему афганских беженцев даже в ходе антисоветской кампании по вопросу «применения» советскими войсками химического оружия в Афганистане. Эта кампания началась в 1980 г. (практически сразу же после ввода ОКСВ в Афганистан) и продолжалась несколько лет – пока США не вынуждены были ее свернуть ввиду отсутствия у американской администрации каких-либо доказательств применения Советским Союзом химического оружия в Афганистане.

³ Абд ал-Хафиз Мансур – сподвижник и «придворный» историк одного из известнейших афганских полевых командиров XX в. Ахмад Шах Масуда, известного далеко за пределами Афганистана под прозвищем «панджшерский лев». Абд ал-Хафиз Мансур является автором переведенной на русский язык работы «Панджшер в эпоху джихада».

Но в процессе этой кампании и особенно в ее начале в США вполне активно муссировалась тема афганских беженцев. К примеру, 24 апреля 1980 г. комитет палаты представителей по иностранным делам, его подкомитет по международной безопасности и научным делам и подкомитет по делам Азии и Тихого океана Конгресса США провели объединенные слушания по вопросу применения химического и биологического оружия советскими войсками в Афганистане. М. Нимитц, заместитель секретаря госдепартамента США по поддержке безопасности, науке и технологии и адмирал Т. Дэвис, ассистент директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению зачитали доклад об употреблении советскими войсками химического оружия в Афганистане против мирного населения и повстанцев, в котором в том числе приводились свидетельства находящихся в Пакистане афганских беженцев о том, что еще в августе – сентябре 1979 г. советские войска «производили химические атаки» в местах скопления афганских повстанцев в Панджшерской долине (Shestack, Nimetz 1980: 37).

Разумеется, такая точка зрения не соответствовала действительности, – СССР не проводил политику, направленную на «выдавливание» афганского населения за пределы страны. Напротив, имеются многочисленные документальные свидетельства об оказании советскими войсками всесторонней помощи афганцам (но эта тема уже выходит за рамки данной статьи). Публичная кампания, заостряющая внимание на якобы имевшем место «вытеснении» афганского населения силами советских войск, была прежде всего пропагандистским ходом зарубежных, в особенности американских, СМИ и некоторых официальных лиц, направленным на дискредитацию СССР в глазах мировой общественности, т.е. составной частью советско-американской пропагандистской войны в афганском конфликте.

В свою очередь, советская и подконтрольная ей афганская пропаганда⁴ тоже «не оставались в долгу», расписывая и на страницах прессы, и даже в научных статьях положение афганских беженцев⁵. Как писал востоковед В. Н. Спольников, «понятие «беженцы» не совсем точно

квалифицирует ту массу афганцев, которая оказалась в Пакистане и в Иране. Афганская оппозиция и многие мусульманские страны называют афганских беженцев мохаджерами, т.е. переселенцами, а сам процесс – хиджратом, т.е. переселением. Подобная трактовка создала для правительств этих стран исламскую правовую основу, оправдывающую оказание разносторонней помощи афганской исламской оппозиции в ее борьбе против строя в Афганистане» (Спольников 1990: 39).

По мнению других советских исследователей того периода, во время обычного сезонного перемещения кочевой части населения Афганистана (пуштунов) в поисках пастбищ некоторая его часть, как обычно, оказалась в Пакистане⁶ и была объявлена пакистанским правительством «беженцами» и теперь насильно удерживается вооруженной оппозицией с санкции пакистанских властей в качестве «беженцев» (Лунин 1984: 148).

В «рупоре» официального Кабула, газете «Kabul new times», также неоднократно писали о тяжелом положении беженцев в сопредельных с Афганистаном государствах. В материалах газеты неоднократно описывается, как несчастных селили в лагеря, огражденные колючей проволокой; что лидеры афганских повстанческих организаций забирали себе продукты, одежду и медикаменты, присланные из государств Запада и предназначенные для гуманитарной помощи беженцам; что беженцев мужского пола, в том числе мальчиков-подростков, насильно сгоняют в тренировочные лагеря и оттуда направляют в повстанческие «полевые армии» на территории Афганистана (Kabul new times. 1981. March. № 5–8).

Словом, вопрос положения беженцев уже с конца 1970-х гг. и вплоть до вывода ОКСВ из Афганистана в 1989 г. являлся предметом острых разногласий и пропагандистской борьбы между США и СССР (при поддержке официального Кабула). В США проблему афганских беженцев охотно использовали как дополнительный и немаловажный козырь в долгосрочной дипломатической игре против СССР.

Советский Союз пытался противопоставить этому пропагандистскую линию, направленную

⁴ Имеется в виду официальный Кабул.

⁵ Особенно тяжелым было положение беженцев в Пакистане, где они в самом деле практически полностью находились в подчинении у лидеров афганской вооруженной оппозиции, чьи штаб-квартиры базировались преимущественно в Пакистане.

⁶ Афгано-пакистанская граница – так называемая «линия Дюранда» – по сути была «прозрачной» и условной с первых дней ее создания. Афганские кочевые народы (те же пуштуны) никогда не признавали эту государственную границу, свободно перекочевывая из одной страны в другую и обратно.

на освещение роли беженцев как основного источника пополнения повстанческих отрядов (что они были вынуждены делать под нажимом Пакистана и афганской вооруженной оппозиции), но эта советская пропаганда не получила такого широкого международного резонанса, как пропаганда США.

Решение проблемы беженцев осложнялось еще и тем, что как пакистанские, так и иранские власти пытались извлечь максимальную выгоду от пребывания на их территориях афганских беженцев. До проживающих в пакистанских лагерях афганцев доходила незначительная часть поступающих средств. Лидеры афганской вооруженной оппозиции не гнушались использовать помощь, оказываемую бе-

женцам (имеется в виду прежде всего помощь финансовая и материальная) в своих интересах. Пакистан использовал поступающую в адрес беженцев помощь для увеличения собственных доходов, а для Ирана наличие афганской колонии беженцев являлось дополнительным источником «живой силы» для продолжения войны против Ирака.

Все заинтересованные в продолжении афганского конфликта государства, и в том числе США, стремились удержать основную массу беженцев под влиянием афганской оппозиции и в то же время продолжали использовать данную проблему для обоснования своего антиафганского курса и антисоветской пропаганды на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллан П., Клей Д.* 1999. Афганский капкан: правда о советском вторжении. Москва: Международные отношения.
- Григорьев С. Е.* 1997. Панджшер в 1975–1990 гг. глазами афганского историка. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Лунин Б. В.* 1984. Басмачество: социально-политическая сущность. Ташкент: Фан.
- Спольников В. Н.* 1990. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. Москва: Наука.
- Таннер С.* 2004. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М.: Эксмо.
- Фальков М.* Афганский ящик Пандоры // www.agentura.ru/dossier/izrail/people/falkov/afghanistan (2016. 02 февр.).
- Хан Н. Ю.* 1997. Пакистан и афганский кризис (1979–1989 гг.). Автореф. дис.... канд.ист.наук. Ташкент.
- Юсуф М.* Ловушка для медведя // www.artofwar.ru/d/dmitrij_m_k/text_0150.shtml (2016. 02 февр.).
- Afghanistan and Indochina 1980 // Department of state bulletin. Vol. 80. № 2040, 35–39.
- Arnold A.* 1981. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, California.
- Chaliand G.* 1982. Report from Afghanistan. New-York.
- Collins J. J.* 1986. The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. Massachusetts. Toronto.
- Congressional records. 1980. V. 126. № 58, 61, 64, 84.
- Dupree L.* 1980. Afghanistan. Princeton.
- Kabul new times. 1984. March. № 5–8.
- Saunders G.* 1979. Afghan refugees // Department of state bulletin. Vol V. 79, № 2033, 30–32.
- Shestack J., Nimetz M.* 1980. Reports use of lethal chemical weapons in Afghanistan and Indochina // Department of state bulletin. Vol. V. 80, № 2040, 35–39.
- Urban M.* 1988. War in Afghanistan. London.
- Vanse S.* 1980. Refugee admissions and resettlement // Department of state bulletin, V. 80. № 2039, 35–37.

REFERENCES

- Allan P., Klej D.* Afganskij kapkan: pravda o sovetskom vtorzhenii [Afghan trap. The truth about the Soviet invasion]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. (In Russian).
- Grigoriev S. E.* Pandzhsher v 1975–1990 gg. glazami afganskogo istorika [Panjshir in the 1975–1990 through the eyes of a Afghan historian]. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State Univeristy, 1997. (In Russian).
- Lunin B. V.* Basmachestvo: socialno-politicheskaya sushchnost [Basmachis: socio-political entity]. Tashkent: Fan, 1984. (In Russian).
- Spolnikov V. N.* Afganistan. Islamskaya oppoziciya: istoki i celi [Afghanistan. Islamic opposition: the origins and purposes]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian).
- Tanner S.* Afganistan: istoriya vojn ot Aleksandra Makedonskogo do padeniya «Talibana» [Afghanistan: the history of the wars of Alexander the Great to the «Taliban» fall]. Moscow: Eksmo, 2004. (In Russian).
- Falkov M.* Afganskij yashchik Pandory [Afghan Pandora's Box]. Available at: www.agentura.ru/dossier/izrail/people/falkov/afghanistan (Accessed on February 02, 2016). (In Russian)
- Khan N. Yu.* Pakistan i afganskij krizis (1979–1989 gg.): Avtoref. dis.... kand.ist.nauk. [Pakistan and Afghan crisis (1979–1989): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Tashkent, 1997. (In Russian).
- Yusuf M.* Lovushka dlya medvedya [Bear's Trap]. Available at: www.artofwar.ru/d/dmitrij_m_k/text_0150.shtml (Accessed on March 17, 2014). (In Russian)
- Afghanistan and Indochina. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2040: 35–39.
- Arnold A.* Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, California, 1981.
- Chaliand G.* Report from Afghanistan. New York, 1982.
- Collins J. J.* The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. Massachusetts. Toronto, 1986.
- Congressional records. Vol. 126 (1980), No. 58, 61, 64, 84.

- Dupree L.* Afghanistan. Princeton, 1980.
 Kabul new times. March (1984), No. 5–8.
Saunders G. Afghan refugees. In: Department of state bulletin. Vol. 79 (1979), No. 2033: 30–32.
Shestack J., Nimetz M. Reports use of lethal chemical weapons in Afghanistan and Indochina. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2040: 35–39.
Urban M. War in Afghanistan. London, 1988.
Vanse S. Refugee admissions and resettlement. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2039: 35–37.

T. V. Rabush
 Saint Petersburg, Russia

AFGHAN REFUGEES IN THE SOVIET-AMERICAN «PROPAGANDA WAR» (1980-s)

Abstract. This study highlights the role and place of the problem of Afghan refugees in the Soviet-American propaganda war that lasted throughout the 1980s. The author analyzes the nature of US humanitarian assistance to Afghan refugees, stressing the fact that the US assistance in Afghanistan was not only a humanitarian action of good will, but at the same time a topic of exaggerated foreign propaganda (both in official political speeches and media) used to condemn the fact of the Soviet military presence in Afghanistan. The author points to a dramatic increase in the number of refugees (which lasted throughout the 1980-s), which was undoubtedly convenient for the American (and some foreign) anti-Soviet propaganda.

The author examines the roles of Afghan refugee issue in the foreign (mostly American) anti-Soviet and anti-Afghan propaganda, as well as in official anti-American propaganda of Kabul and the Soviet Union. Foreign authors tried to denigrate Soviet activities in Afghanistan in every possible way pointing out that a large number of Afghan refugees and the constant growth of refugee number are associated with the Soviet policy of «squeezing» the civilian population out of Afghanistan through active and destructive military operations, which, in fact, was a piece of disinformation aimed at damaging the prestige of the Soviet Union in the eyes of the international community and present the Soviet Union as a war criminal. The Soviet and Afghan media, government officials and researchers present the opposite propaganda mainly by showing the extremely difficult situation of Afghan refugees in Pakistan who became sort of a tennis-ball for the leaders of the armed Afghan opposition.

We conclude that the problem of Afghan refugees during the 1980-s was a significant factor in the Soviet-American propaganda war waged around the events in Afghanistan taking place immediately after the April Revolution of 1978. In fact, the refugee issue became a «bargaining chip» in the global geopolitical game between the two superpowers.

Key words: refugees; propaganda; the Cold War; the Afghan War; Soviet-American relations.

About the author: Taisiya Vladimirovna Rabush, Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Lecturer at the Department of Social Sciences.

Place of employment: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

УДК 94 (47). 04

Я. Г. Солодкин
 Нижневартовск, Россия

О НАЧАЛЕ ШЕРТОВАНИЯ СИБИРСКИХ «ИНОЗЕМЦЕВ» МОСКОВСКИМ ГОСУДАРЯМ (ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ)

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальнейших проблем сибиреведения – вопрос о том, с какого времени народы Сибири стали приводиться к шерти на имя московского государя. Хотя исследователи не сомневаются в том, что это происходило с первых лет русской колонизации края, восходящее еще к Г. Ф. Миллеру представление о том, что так поступали уже «ермаковы казаки», не может быть признано убедительным. При этом особое внимание уделяется анализу сообщения Есиповской летописи о начале данной практики в пору «Сибирского взятия».

В результате было выяснено, что приведенное в хронике свидетельство включает литературные штампы, имеющиеся в самом произведении Есипова, и передает текст шертовальной записи, составленной не во второй четверти XVII в., как ранее считалось, а до смерти Кучума, т.е. в самом начале этого столетия. Нами было доказано, что ермаковцы ограничивались сбором ясака, а приведение сибирских «иноземцев» к шерти началось со времени последующих экспедиций воевод царя Федора Ивановича, в частности, И. А. Мансурова и В. Б. Сукина. Было установлено, что первыми «под высокую руку» московского государя были приведены князя Лугуй и Игичей, мурза Цынгоп, видный тюменский служилый татарин М. Ачекматов.

Ключевые слова: Сибирь конца XVI в.; шерть; шертовальная запись; ясак; Есиповская летопись; Кучум; Ермак; Лугуй; Игичей.